

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ И ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

Читатели обращаются к нам с просьбой опубликовать на страницах еженедельника высказывания выдающихся литературоведов-марксистов о социалистическом реализме и писательском труде.

Мы с большой охотой выполняем эту просьбу, полагая, что подобные публикации особенно уместны сейчас, в канун IV Всесоюзного съезда писателей.

Сегодня мы печатаем некоторые из высказываний Анатолия Васильевича Луначарского.

* * *

В феврале 1933 года А. В. Луначарский сделал на II пленуме Оргкомитета Союза писателей СССР доклад, который впоследствии был им опубликован как статья под названием «Социалистический реализм» (журнал «Советский театр», № 2—3 за 1933 год).

Вот некоторые положения этой статьи.

Социалистический реализм есть широкая программа, она включает много различных методов, которые у нас есть, и такие, которые мы еще приобретаем; но он насквозь отдается борьбе, он весь насквозь — строитель, он уверен в коммунистическом будущем человечества, верит в силы пролетариата, его партии и его вождей, он понимает великое значение того первого основного боя и того первого акта мирового социалистического строительства, которое происходит в нашей стране.

ПРАВДА В ИСКУССТВЕ

Утверждая, что социалистическому реализму чужда статичность в изображении действительности, А. В. Луначарский дает яркое образное толкование тому, что такое ПРАВДА с точки зрения художника социалистического реализма. В приводимом нами отрывке есть резкости и крайности, которые понятны, если их рассматривать с учетом того, на каком этапе социалистического строительства было это написано. Однако главная суть отрывка имеет практическое значение и сейчас.

«А что чем заключается социалистический реализм? И прежде всего это тоже реализм, верность действительности...

Наш реализм сугубо динамичен.

Пролетарский реалист, присматриваясь к действительности, видит, что основная движущая сила истории в прошлом, настоящем и ближайшем будущем — это классовая борьба. Можно, конечно, представить себе социалистического реалиста, которому это еще не совсем ясно. Это будет социалистический реалист приговитого класса, который он, надо надеяться, скоро пройдет, потому что не так уж трудно усвоить себе истину, что вся человеческая история, каждый ее фрагмент в повседневном событии, жизни любого отдельного человека насыщены силовыми линиями классовых противоречий (значительно труднее, конечно, правильно понимать конкретные проявления этого основного закона).

Социалистический реалист понимает действительность как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе противоположностей. Но он не только не статик, но он и не фаталист: он находит себя в этом развитии, в этой борьбе, он определяет свое классовое положение, свою принадлежность к известному классу или свой путь к этому классу, он определяет себя как активную силу, которая стремится к тому, чтобы процесс шел так, а не иначе. Он определяет себя как выражение исторического процесса — с одной стороны, а с другой стороны, как активную силу, которая определяет собой ход этого процесса...

Мы можем представить себе — среди нас, может быть, они есть, а может быть, их и нет, тогда мы очень рады этому — людей, которые еще сейчас являются реалистами буржуазного типа. Они не могут быть довольны действительностью, не могут петь с ней в унисон...

Какое же они будут создавать искусство? Они будут создавать художественные протоколы, художественные фотографии заднего двора нашей революции, будут говорить, как свинья в крыловской басне, что они (весь задний двор изрыли) и ничего хорошего там не нашли. «Реалистическое» изрывание заднего двора революции в момент чрезвычайно напряженной борьбы, в момент незаконченности строительства, когда еще много пустырей, много незавершенных зданий и всякой неразберихи, — это для буржуазного реалиста благодарный момент. Он возьмет все это статически — «как оно есть». Представьте себе, что строится дом, и

когда он будет выстроен, это будет великолепный дворец. Но он еще недостроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете: «Вот ваш социализм — а крыши-то и нет». Вы будете, конечно, реалистом — вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда. Социалистическую правду может сказать только тот, кто понимает, какой строится дом, как строится, и кто понимает, что у него будет крыша. Человек, который не понимает развития, никогда правды не увидит, потому что правда — она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда — это завтрашний день, и нужно ее видеть именно так, а кто не видит ее так, тот реалист буржуазный и поэтому пессимист, нытик и зачастую мошенник и фальсификатор и, во всяком случае, вольный или невольный, контрреволюционер и вредитель. Он может этого сам не сознавать и иногда в ответ по требованию коммуниста: «говорите правду» — говорит: «да ведь это и есть правда»; в нем может не быть контрреволюционной ненависти, он, может быть, будет делать полезное дело, высказывая печальную правду, но в ней нет анализа действительности в ее развитии, и поэтому никакого отношения к социалистическому реализму такая «правда» не имеет. С точки зрения социалистического реализма это не правда — это ирреальность, ложь, подмена жизни мертвечиной.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И РОМАНТИКА

...Рядом с гигантской задачей социалистического реализма — давать изображения полные правдоподобия, исходить из действительного объекта и точно описывать его — уяснять его, всегда, однако, так, что развитие, движение, борьба в нем должны чувствоваться, — рядом с этой формой возможен, в сущности говоря, социалистический романтизм, но такой, который совершенно отличен от буржуазного романтизма. В силу огромной нашей динамичности он привлекает к действительности такие области, в которых и фантазия, и стилизация, и всевозможная свобода обращения с действительностью играют очень большую роль.

Вообразите теперь, что среди нас существуют — если не существуют, то это очень хорошо — буржуазные романтики. Если им сказать, что социалистический реализм не отрицает романтики, они сейчас же подхватят: «Ах, не отрицаете? Как приятно. В таком случае я должен сказать, что в романтике интересует меня чистая игра фантазии. Я, как голубей, гоняю свою мечту и славою, как она уплывает в голубые небеса», Или иной, чего доброго, скажет: «Верно, не все уперлось в реализм. Есть же у человека душа, и эта душа склонна утверждать, что она бессмертна — почему бы об этом не поговорить, хоть слегка? Реализм реализмом, но есть и бессмертная душа, или, можно сказать, мечта о бессмертной душе. У нас объявлена свобода религии, и если я, например, пришел к выводу, что в православной церкви далеко не все так пошло и старо, как казалось, — дайте мне в художественной форме изложить мои воззрения».

Зависит от рамок той свободы, которую мы можем в боевое время предоставить, насколько сурово к такому рода «романтикам» мы будем относиться, и если государственный аппарат сочтет нужным такие произведения пропустить или, может быть, по недоразумению или незоркости (хотя он чрезвычайно зорок) пропустит, то критика, во всяком случае, должна, им дать сильнейший отпор, ибо там, где пахнет подобной «романтикой», — там пахнет мертвечиной...

* * *

Не в том дело, чтобы мы друг друга попрекали, что здесь, скажем, не выдержан достаточно точный реализм и допущен стилизационный метод, — внутри нашего лагеря мы должны уважать и поддерживать друг друга. Дело в том, чтобы наш писательский мир, наш критический мир, как весь наш рабочий мир, как весь наш боевой и строящийся мир, были соединены воедино против общего врага — все равно, живет ли он за границей или здесь, или же находится внутри нас. Потому что если и внутри нас просыпается этот враг, если он внутри нас нащупывает статическое разочарование или идеалистическое бегство от жизни, мы поступим так, как Малковский говорит по поводу некоторых своих песен: наступим этому врагу на горло.

ЛОЖНАЯ ПРОСТОТА И ЛОЖНАЯ СЛОЖНОСТЬ

В статье «Мысли о мастере», опубликованной в «Литературной газете» от 11 июня 1933 года, А. В. Луначарский писал:

Мастерство выражения не совпадает с так называемой легкостью. Строго говоря, ни один мастер не может быть предельно легким, т. е. давать такие произведения, которые принимаются публикой без всякого труда. Наоборот, если будем придерживаться для нас наиболее интересной области — художественной литературы, — то автор, который пишет книгу, воспринимаемую читателем без всякого труда, есть представитель легкого читателя, отнюдь не мастер...

* * *

Если бы мы стали на ту точку зрения, что все то, что пишут наши мастера, должно быть обязательно доступно начинающему читателю, то, конечно, оказалось бы, что добрая половина наиболее мастерских произведений будто бы слишком трудна. Дело, однако, в том, что мир, который мы должны осознать и переделать, сам по себе сложен и труден. Он требует для своего освоения громадной пирамиды организованного познания. Сегодняшний начинающий читатель завтра будет продолжающим. Наши массы выделяют из себя передовиков, да и во всем своем целом устремляются со ступени на ступень вверх к более сложному и трудному. Поэтому, признавая громадную важность самой большой относительной простоты, на какую только можно прийти, не роняя сложности замысла, богатства содержания, надо прямо сказать, что этой сложностью замысла и этим богатством содержания вовсе неправомерно жертвовать простоте.

«Жизнь Клима Самгина» написана относительно чрезвычайно просто, но эту простоту приходится признать только пропорционально громадности замысла. Что было бы, если бы, желая быть простым, Горький в изображении утонченнейших интеллигентов прошлого заставил бы их поэтому говорить на языке, доступном самому малокультурному читателю? Всякому ясно, что это была бы огромная ошибка.

Итак, мастерство заключается в полной адекватности формы содержанию и, стало быть, в величайшем уяснении данного содержания. Идти дальше этого и снижать содержание — это значит идти вопреки здравому смыслу, истинным интересам масс, прямым указаниям Ленина. Это значило бы вступить на путь ложной простоты и писать вульгаризируя.

Однако еще более страшным врагом мастерства, чем ложная простота, является ложная сложность. Ложная цветистость, ложная замысловатость несовместимы с мастерством. Правда, кокетничающих авторов, умеющих создать внешнее, поверхностное, декоративное, блестящее произведение, называют мастерами, но кто называет их мастерами? — люди, у которых уже выключено чувство содержания, которые живут формой.

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ БОЙЦАМИ ПАРТИИ

ИЗ СТАТЬИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»

«Весь наш темп социалистического строительства тоже есть фронт.

Не может пройти пленум ЦК Коммунистической партии или заседание какого-нибудь большого советского или партийного съезда, относительно которого драматург мог бы сказать: «Ну, знаете, они о политике говорят, а я свою драму оканчиваю, — вообще не мое дело это, у меня другие петлички на мундире». Когда партия сигнализирует основные жизненные моменты, — это сигнал по всему фронту пролетарской борьбы, — это сигнал по всему фронту и достойным борцом этого фронта, тот лихорадочно смотрит, — что же отсюда следует для меня?..

* * *

В будущие времена, когда окончательная победа будет уже одержана, наши потомки будут с величайшим уважением перелистывать книгу истории нашей жизни. И тогда пусть в качестве памятника нашей великой переходной эпохе встанут перед нами не только идеи наших мыслителей и вождей, не только победы наших масс, не только техника, созданная нашим социалистическим трудом, но наши большие художественные произведения, наши драмы, которые тогда еще будут даваться в театрах, чтобы голосом самой эпохи рассказать о ее истории.